

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ РАЗВИТИЯ ПСИХИКИ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2025. Т. 14, вып. 4 (56). С. 325–339

Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology, 2025, vol. 14, iss. 4 (56), pp. 325–339

<https://akmepsy.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2304-9790-2025-14-4-325-339>

EDN: NOOOCM

Научная статья
УДК 159.9.07

Полевые исследования: проблема, задачи, возможности. Часть 2

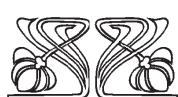
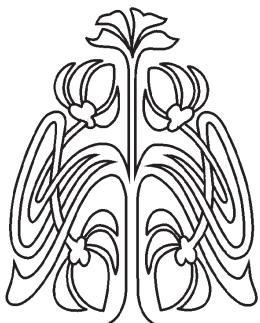
В. А. Толочек

Институт психологии Российской академии наук, Россия, 129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13/1

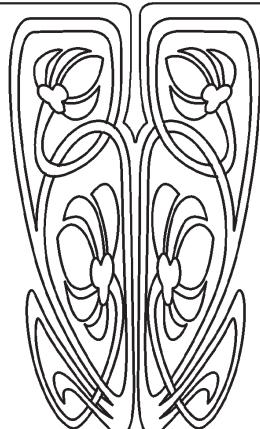
Толочек Владимир Алексеевич, доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник, tolochekv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1378-4425>

Аннотация. Актуальность: эволюция социальных объектов, усложнение их структуры и связей с окружением, изменение отношения респондентов к работе психологов, требуют развития нашего методического и методологического арсенала. Следуя тезису В. А. Мазилова о необходимости разработки «методологии снизу» полевыми исследователями, обсуждаются вопросы: четырех уровней методологии и необходимости использования «методологических связок» (системных триад, векторов, континуумов, «сквозных» понятий), позволяющих согласовывать результаты разных научно-исследовательских работ (НИР) и научно-практических работ (НПР), интегрировать их в общий фактуальный базис дисциплины. Цель: историко-теоретический анализ методологических, методических и организационных аспектов проведения НИР и НПР в современных организациях. Методы (инструменты): анализ научной литературы, предметно-категориальный анализ, рефлексия опыта научной и практической работы в современных организациях. Результаты: показано, что: 1) методологические «связки» представляют варианты упрощения видения ученым фрагментов действительности, которые позволяют широкий круг сложных явлений сводить к их обозримым отношениям; 2) простота и наглядность «связок» позволяют выделять как наиболее существенное, так и все упущения ученого, и таким образом поддерживать преемственность научных поисков представителями разных поколений; 3) все техники, или «методологические связки» указывают на общую и/или единую онтологию изучаемых явлений; 4) анализируемые «связки» не всегда воссоздают онтологию изучаемых явлений, но всегда указывают на возможные отношения между фрагментами действительности, на их возможные свойства. Основные выводы: в условиях ускоряющегося исторического развития дисциплины, сопровождающегося ее дальнейшим дифференцированием на области, научные школы, узко дисциплинарные подходы, продолжающимся разделением научного знания, все формы его интеграции становятся не менее важными, чем поиск и описание новых явлений. Практическая значимость: методологические инструменты, связующие разные фрагменты научного знания, не менее ценные, чем выявление новых фактов. Они позволяют интегрировать описания отдельных явлений в большую целостность, позволяющей более конструктивно проводить НИР и НПР в современных организациях.

Ключевые слова: методология дисциплины, полевые исследования, проблема, методологические связки (системные триады, векторы, континуумы, «сквозные» понятия)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено в рамках Государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ, тема № 0138-2024-0017 «Профессиональная деятельность и развитие личности человека в условиях организационных и техногенных изменений».

Для цитирования: Толочек В. А. Полевые исследования: проблема, задачи, возможности. Часть 2 // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2025. Т. 14, вып. 4 (56). С. 325–339. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2025-14-4-325-339>, EDN: NOOOCM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Field research: Problem, tasks, opportunities. Part 2

V. A. Tolochev

Institute of Psychology RAS, 13/1 Yaroslavskaya St., Moscow 129366, Russia

Vladimir A. Tolochev, tolochev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1378-4425>

Abstract. The *relevance* of the study stems from the evolving nature of social objects and the increasing complexity of their structures and environmental interactions. Additionally, changing respondent attitudes to psychologists' work necessitates advances in our methodological toolkit. Drawing on V. A. Mazilov's principle that field researchers should develop methods using a "bottom-up approach," the study addresses the issues of four levels of methodology and advocates the use of "methodological bundles" (including system triads, vectors, continua, and "cross-cutting" concepts), to harmonize research and development (R&D) and scientific and practical work (NPR), integrating them into the disciplinary factual framework. The study *aims* to provide a historical and theoretical analysis of methodological and organizational aspects of R&D in modern organizations. *Methods (tools):* involved scientific literature analysis, subject-categorical analysis, and reflection on practical and scientific experience in modern organizations. *Results:* it is shown that: 1) "methodological bundles" enable simplification of reality fragments, reducing complex phenomena to predictable relationships; 2) their simplicity and clarity aids identification of key scientific observations and gaps, supporting research continuity across generations; 3) these "bundles" indicate a common or unified ontology of the studied phenomena; 4) although they do not always reconstruct ontologies fully, they reveal possible relationships and properties among reality fragments. *Main conclusions:* amid accelerating disciplinary development, differentiation into fields and scientific schools, narrowing of disciplinary approaches, and knowledge fragmentation, integrative methodological tools are as crucial as the discovery of new phenomena. *Practical significance:* such tools facilitate integration of diverse scientific knowledge fragments, fostering more constructive R&D in modern organizations.

Keywords: methodology of the discipline, field research, problem, methodological bundles (system triads, vectors, continua, "cross-cutting" concepts)

Acknowledgements and funding. This research was funded as part of the State Assignment commissioned by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, topic No. 0138-2024-0017 "Professional activity and personal development in the context of organizational and man-made changes".

For citation: Tolochev V. A. Field research: Problem, tasks, opportunities. Part 2. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2025, vol. 14, iss. 4 (56), pp. 325–339 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2025-14-4-325-339>, EDN: NOOOCM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

(Окончание. Начало см.: Толочек В. А. Полевые исследования: проблема, задачи, возможности. Часть 1 // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2024. Т. 13, вып. 1 (49). С. 26–39. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2024-13-1-26-39>, EDN: WKMSQ)

Введение

Предпосылкой для размышления и формулирования проблемы как «методы и методология полевых исследований в психологии» послужила неожиданная ситуация при проведении НПР на четырех промышленных предприятиях одного из регионов России, во многом

при активном участии директоров этих предприятий. Доступ психологов был ограничен (проводить диагностику обязались работники ОК, но, понятно, не проявившие должного усердия); при трех «срезах» через каждые 6 месяцев на всех предприятиях складывалась сходная картина: доля саботирующих наше мероприятие монотонно возрастала с типичной пропорцией разных групп сотрудников (наиболее прилежными были женщины, лица, старшего возраста, занимающие низовые должности в организационной иерархии, наименее – молодые руководители среднего и низового звена, с быстрой карьерой, сравнительно недавно работающие на заводе). Вместе с тем, психологам позволялось

знакомиться и общаться с работниками, пройти по цехам, обсуждать с руководителями любые вопросы, видеть особенности организации управления, типовые технологии, формы стимулирования труда, социально-демографические особенности персонала и пр. Сотрудники заводов ничего не утаивали, но использование наших «бумажных методик» саботировали на нескольких управлеченческих уровнях.

Сложившееся в психологии понимание должного (ожидаемого, «правильного») в каком-то смысле напоминала известный исторический прецедент: молодой ученый П. К. Анохин обратил внимание И. П. Павлова на то, что изучение поведения животных, жестко зафиксированных в стойках, не позволяет понимать организацию их жизни в природе; реакцией академика было изгнание П. К. Анохина из лаборатории. Данный факт достаточно подробно описан в работе Е. П. Ильина [1]. Размыщление последнего над несоответствием методологии науки изучаемым явлениям и привели его к созданию теории функциональных систем (ФС), объясняющей генез и механизмы быстрой мобилизации всех возможностей живой субстанции и адаптации органа, организма, особы к изменяющимся условиям среды.

В каком-то смысле и наши типовые методы изучения «внутреннего мира человека» (по В. А. Мазилову, В. Д. Шадрикову) – школьников за партой, студентов за учебной скамьей и пр., схожи с изучением поведения «павловских собак», привязанных ремнями к стойкам. Но там, где люди могут позволить себя «быть или не быть» участниками наших исследований, они выступают в действительном состоянии «активного субъекта своей жизнедеятельности» (по К. А. Абульхановой-Славской); субъекта, который для нас преимущественно выступает лишь как концепт, а не фрагмент реальности, который мы и призваны изучать.

В развитии нового видения действительности П. К. Анохин выделяет одно из ключевых понятий – взаимодействие компонентов системы как взаимодействие [2]. Теория функциональных систем широко используется и в психологии (см. работы В. И. Моросановой, О. К. Конопкина, В. Д. Шадрикова и др.). Мы в психологии оперируем иными понятиями – коэффициенты корреляции, различия между группами и т.п. Но обратим внимание на «детали»: типичные в наших НИР коэффициенты

корреляции чаще не превышают величину $[r = 0,2-0,3]$, которая отражает лишь крайне слабую вероятность связи между направлением изменений переменной X и переменной Y (причем, чем меньше величина коэффициента, тем меньше и условно определенная вероятность такой зависимости, которая возрастает лишь при приближении коэффициента к величине 1,00). Вероятность того, что при обследовании разных социальных групп можно получить совершенно одинаковые результаты менее одной миллионной, а наши среднегрупповые и межгрупповые t -различия, достигающие критерия статистической значимости (по умолчанию понимаемых как имеющих научную значимость), мы обеспечиваем увеличением размера выборок. Все это – критерии статистической значимости как критерии научности работы, – при низких значениях меры связи или различия для реализации реальных социальных программ, как отмечают Л. Росс и Р. Е. Нисбетт, оказываются малозначимыми [3].

Еще один открытый вопрос. Наши методологии давно размышляют о методологии дисциплины, указывая на необходимость перехода от видения фрагментов реальности, а следовательно, и мышления в логике «классического типа рациональности» согласно представлениям М. К. Мамардашвили [4] и В. С. Степина [5], к «неклассическому» и «постнеклассическому», в логике которых исследователь признает ограниченность методического инструментария, позволяющего получать лишь «научные данные», а не «эмпирические данные», составляющими существо бытия (согласно В. А. Мазилову [6], А. В. Юревичу [7] и др.); признает необходимость изучать сложные фрагменты социальной действительности во множестве их действительных отношений с другими.

Ученые, например В. А. Мазилов [6] и В. В. Козлов [8], предлагают разные варианты интеграции методологических подходов и даже построения интегративной методологии. Но до настоящего времени мы, изучая сложные проявления психического из множества отношений избранных явлений, выбираем и рассматриваем единичные, подсказанные нам субъективно близкой «теорией»: как правило, мы ограничиваемся одной-двумя версиями их связи, торжественно именуя их гипотезами, гипотезами, которые чаще отвечают на вопрос «Что?» и не дают четкого понимания «Как?» и «Почему?».

Обсуждаемую проблему определим как вопросы соотношения сложности изучаемых явлений и организации научных исследований в психологии; цель – как историко-теоретический анализ методологических, методических и организационных аспектов проведения научно-исследовательских работ (НИР) и научно-практических работ (НПР) в современной психологии.-

Сопряженные проблемы современной психологии: вопросы и вопросы

В ранее опубликованных работах обсуждались несколько важных вопросов. Один из них – статус метода, одного из «основополагающих камней», формирующих научную дисциплину. В частности, отмечалось, что в начале и в середине XX в. ведущие ученые подчеркивали его принципиально важную роль. Согласно позиции С. Л. Рубинштейна, «Методы, т. е. пути познания, – это способы, посредством которых познается предмет науки. ... Служа раскрытию закономерностей, они сами опираются на основные закономерности предмета науки» [9, с. 38] (здесь и ниже курсив наш. – В. Т.). По мнению Б. Г. Ананьева, методы «функционируют как системы операций с психологическими объектами и как гносеологические объекты для самой психологической науки» [10, с. 191]. В. А. Мазилов подчеркивает, что «... метод занимает в структуре науки центральное место...» [6, с. 224], «... метод представляет собой обязательную часть методологии психологической науки...» [6, с. 225]. Все верно, нельзя не согласиться. Но в начале XXI в. мы уже можем констатировать, что такая убежденность во многом есть следствие доминирования «классического типа рациональности» – какие схемы мышления ученых, таковы и их научные продукты.

К открытым вопросам отнесем и «дискретность» четырех уровней методологии, а также заметную независимость эмпирических НИР от тем размышлений методологов. В работах ведущих ученых (например, Т. Н. Корниловой с соавторами [11]), как правило, устойчиво воспроизводится выделение четырех уровней методологии. Отдельными важными вопросами, согласно С. Л. Рубинштейну [9, с. 38], признается, что «...научная работа объективно в своей методике всегда реализует ту или иную методологию». Как отмечает Е. П. Ильин, «управление ходом развития науки, прогнозирование ее

главнейших тенденций, планирование научных исследований ... требует фундаментального знания о реальном состоянии научного аппарата ... об оптимальном соотношении различных методов в общей методологической структуре психологии» [1, с. 191–192].

Все так, но в начале ХХI в. мы уже может признавать, что в логике «неклассического типа рациональности» и «постнеклассического типа рациональности» избираемая ученым методология уже не рассматривается как «объективная данность», но как обусловленная целями, задачами, ценностными ориентациями ученого и пр. Не менее важно и то, что изучаемые нами фрагменты действительности, выступающие объектами, рассматриваются нами если и не исключительно, то преимущественно в каком-то определенном (о-предел-енном) аспекте как предмет исследования, тогда как, по мнению Т. Н. Корниловой с соавторами, «любое свойство любого объекта не принадлежит этому объекту самому по себе, а всегда проявляется только во взаимодействии с ... другим объектом» [11, с. 41].

Отдельными важными вопросами, согласно нашим данным [12], выступают типы объяснения в гуманитарных науках. В работах психологов крайне редко рассматриваются особенности взаимосвязанной эволюции социальных объектов разных типов, ограничиваясь обсуждением одной-двух видов связей, выделяемых на основании обследования чаще всего лишь двух выборок (мужчин и женщин, работающих и неработающих, новичков и ветеранов и т.п.). Основные различия, между которыми очевидны для опытного «практика», но остаются «предметом исследования» для нас.

Итак, если внимательно вчитаться в особенности объяснения изучаемых явлений в психологии, сопоставляя их с выделенными и описанными методологами типами рациональности, можно выделить и «зону роста» нашей дисциплины – ее «сензитивный период» явно еще не закончился. Один из аргументов, как нами отмечалось ранее [13], – это регулярные обращения ученых к понятию «ситуация», надежные методологические и методические средства описания которой так и не предложены.

В разных формах «введения в методологию дисциплины» отечественные ученые постулируют существование четырех уровней методологии – философской методологии, общенаучных диалектических принципов,

частных научных методов, а также конкретных методик и процедур исследования, которые многими нашими коллегами воспринимаются как дискретные, слабо связанные друг с другом. Одни используют пакеты методик, полагая их безупречными инструментами науки; другие разрабатывают новые методики, не обременяя себя обзорами их методологических оснований и сферой надежного использования; третьи размышляют о методологии в целом, не «опускаясь» до уровня анализа методик. Принимая констатации методологов и ведущих ученых о четырех уровнях методологии, обратим внимание на неизбежно возникающие разрывы в дисциплинарных областях и регулярные предложения разных вариантов построения интегративной психологии, которые остаются без должного внимания полевыми исследователями. Данный факт отмечен в работах В. А. Мазилова [6], А. В. Юревича [7], В. В. Козлова [8].

Задачи психологии и схемы НИР

Рассмотрим вопросы планирования и организации полевых исследований, т.е., той важной работы по изучению реальных фрагментов действительности, получения реальных эмпирических данных, вопросы, которые частью обсуждались и раньше. Как отмечалось нами ранее: «...наиболее часто в настоящее время в полевых исследованиях используются предельно простые схемы НИР. Признаем их как нашу обыденность, как реальность, как «факты повседневности» [13, с. 75]; «...типичные формы гипотез: 1. Объект A обладает свойствами (иначе, а принадлежит A, или $a \in A$). 2. Объект A отличен от B; некоторые свойства двух объектов различаются – а отличны от свойств в ($A \neq B$, $a \neq b$). 3. В процессе роста (развития) объекта A его свойства a_1 , a_2 , a_3 изменяются (иначе, $A_1 \neq A_2 \neq A_3$, соответственно, $a_1 \neq a_2 \neq a_3$). Приведем и типичные образцы постановки научной проблемы. Объект A1 изучали ученые B и C; первый показал, что A1 характеризуется свойством в, второй ученый – что свойством с. Мы изучали A1. Подтверждено, что A1 обладает свойствами в и с ($v, c \in A$). Объект A2 изучали ученые B, C, D, E. Они выделили свойства в, с, d, e. Мы изучали A2. Подтверждено, что A2 обладает свойствами в, с, d, e ($v, c, d, e \in A$). При использовании простых схем исходные положения содержат лишь ранее выявленные перечни признаков объекта;

в таких НИР следствия и выводы часто самоочевидны. Но и при такой самоочевидности выводов ни совпадение результатов независимых исследований, ни различия выводов почти ничего не добавляют в актив дисциплины и ничего не отрицают, границ адекватности научных концепций не устанавливают, верификацию чужих и фальсификацию (по К. Попперу) своих концепций не проводят» [13, с. 76]. Если проще, то замысел и организация НИР сводится к простому сопоставлению статистик лишь двух выборок (мальчиков и девочек, 10-летних и 12-летних; мужчин и женщин, молодых и более зрелых и т.п.) с ожидаемыми различиями, которые и подтверждаются отчасти (в таких исследованиях используют большие батареи методик, статистики по некоторым субшкалам достигают критерия статистической значимости).

Хуже того, при таком упрощении программы НИР отсутствие действительно весомого научного знания побуждает соискателей научной степени изощряться в формулированиях научной новизны своей диссертации, к которой относят и исследовательскую методику, и свое определение изучаемого явления (не всегда согласованное с множеством уже представленных в научной литературе), и второстепенные особенности своей выборки. Подтверждением ограниченной эвристики простых схем могут служить и типовые формулировки раздела «Практическая значимость» многих квалификационных работ: «Результаты диссертационного исследования могут использоваться в чтении учебных курсов» – всего лишь....

Если же задуматься о действительно серьезных социальных проблемах, то к таковым можно относить все виды жизненной эволюции человека, социальных организаций, социальных установлений и т.п. Такой действительно сложной жизненной коллизией становятся вопросы двойной карьеры, а в настоящем и ближайшем будущем – тройной и более для многих людей (к примеру, автор за неполные 70 лет более 7 раз радикально изменял свое видение будущей профессиональной деятельности вследствие изменений внешней среды и прочего). Подобные жизненные ситуации нередко субъективно воспринимаются как внутриличностный конфликт, иррадиирующий на отношения с близкими, на успешность самореализации в разных сферах жизнедеятельности. В масштабе государства это вопросы инвестиций в профессиональную подготовку

и переподготовку тысяч и миллионов людей, планирования и организации предприятий в разных регионах и многое др.

Вообще, все реальные вопросы реальной жизни людей: эволюция одаренного человека (одаренного как спортсмена, музыканта, литератора, ученого и т.п.); эволюция профессиональных групп; культурных норм, ценностных приоритетов и пр., крайне важных для поддержания социальной стабильности сообществ, для прогрессивного развития государства, – все еще остаются предельно сложными научными и научно-практическими задачами.

Вместе с тем признаем, что в реальной жизни людей их социальное окружение, технологии социализации, обучения, воспитания, продвижения, жесткость конкуренции неоднократно изменяются. Популярные в психологии теории развития и социализации, предложенные в начале и в середине XX в., как правило, описание развития человека ограничивали его детством, подростковым возрастом и юностью, что объяснимо: в этот возрастной период человек «проходит по конвейеру» типовой социализации («улица» и/или детские дошкольные учреждения, начальная и средняя школа, среднее специальное или высшее учебное заведение, начало работы в организации или служба в армии, вступление в брак). Но последующий период, в котором регулярно и часто непредсказуемо появляются «точки бифуркации» с непредсказуемыми «аттракторами» развития, наши популярные «теории» пасуют, обходят молчанием пространство возможного (по В. В. Знакову [14]).

В одной из наших работ [13] выдвигалось предположение, что подобные социальные задачи могут решаться при использовании *системы математических уравнений* (как основы допустимой формализации социальных явлений). Одним из примеров рассматривалась ситуация взросления одаренного спортсмена, в которой радикально меняются доминанты его развития: роль педагогических технологий, таланта и профессиональной зрелости тренера, динамики физического роста организма, динамики физиологических реакций организма на методы и средства тренировки, мотивация занятий спортом, особенности личности и пр. Также обращение к *системе математических уравнений* нам виделось выходом в той ситуации «четырех заводов», когда получение надежных эмпирик по нашим бумажным методикам бло-

кировалось, но были доступны для изучения многие другие аспекты жизнедеятельности людей и функционирования организаций.

Методологические связи как компоненты «методологии снизу»

Повторим: как ученые-методологи, так и ведущие ученые-психологии (например, Т. Н. Корнилова с соавторами [11]) различают четыре уровня методологии. Представление их как дискретных потоков методологической мысли едва ли оправдано, понимание их как вотчины тех или иных специалистов неправомерно. В наших поисках средств интеграции научного знания руководящим стал тезис В. А. Мазилова [6] о «методологии снизу» – о необходимости активного участия полевых исследователей в развитии методологии дисциплины. В нашем понимании построение «методологии снизу» есть, прежде всего, поиска тех компонентов знания, которые обеспечивают взаимодействия его форм, уровней, структур; в нашем случае – связок данных эмпирических исследований и форм их методологической рефлексии. К таким методологическим техникам или методологическим связкам можно относить *системные триады*, *векторы*, *континуумы*, *«сквозные»* понятия.

Системные триады есть простейшие формы системных описаний, состоящие из трех равнозначных компонентов, связанных между собой. Согласно представлениям Р. Г. Баранцева, «в зависимости от вида связи различают следующие типы триад. *Линейные* (вырожденные, одномерные), когда все три элемента расположены на одной оси в семантическом пространстве, например: 1 – 10 – 100, дивергенция – параллелизм – конвергенция, левые – центр – правые. Структурно они не богаче, чем диады. *Переходные* (гегелевские), характеризующиеся формулой «тезис – антитезис – синтез». Они лишь провозглашают снятие противоречия, не раскрывая его движущей структуры. *Системные* (целостные), единство которых создается тремя элементами одного уровня, каждый из которых может служить мерой совмещения двух других. Все три потенциально равноправны» [15, с. 26]. Так, например, в методологии науки рассматриваются три формы существования фрагментов социальной действительности: онтологическая (сам феномен), гносеологическая (его познание и описание средствами науки), аксиологическая (его ценностные составляющие).

Системные триады как сильное выразительное средство давно используются философами и учеными, представителями разных дисциплин. В трудах И. Канта такой органичной связкой выступают религия (вера), наука (знание) и этика (мораль) [16]. Триада в «Науке логики» Г. В. Ф. Гегеля [17] представлена как объединение двух противоположных явлений (или понятий) и их дополняющего до целостности третьего, которое опосредует или выражает внутреннее единство двух противоположных явлений (или понятий), например: «бытие – ничто – становление». В этой триаде становление опосредует, выражает внутреннее единство бытия и ничто. Движущими силами эволюции животных по Ч. Дарвину являются наследственность – изменчивость – отбор (борьба за существование) [18].

Приведем и другие примеры обращения к системным триадам для лаконичной экспликации выработанного ученым знания. Так, согласно К. Р. Попперу, наше знание можно разделить на три отдельных «мира»: физический мир, мир ментальных состояний или процессов (мир ментальный) и мир объективного содержания (мир культуры) [19]. В. С. Степин в структуре оперантов научного знания выделяет идеальные теоретические объекты, идеальные эмпирические объекты и реальные эмпирические объекты, или ИТО, ИЭО, РЭО [5]. М. Мид выделяет три основные типа культурного взаимодействия представителей разных поколений, три типа обмена знаниями: традиционный, или постфигуративный, – передача знаний от взрослых к детям; кофигуративный – получение человеком знаний от своих сверстников; префигуративный – передача знаний от молодых к взрослым [20].

Продолжая перечень примеров обращения к триадам нашими современниками, выделим, «своеобразие понимания мира человеком», согласно В. В. Знакову, представленное в трех реальностях, взаимно дополняющих друг друга: эмпирической, основанной на выявлении причинно-следственных связей; социокультурной, строящейся на выявлении правдоподобия; и экзистенциальной реальности, в сфере которой понимание мира соотносится с необходимым, правдоподобным, невозможным и немыслимым [14]. Форму упорядочивания ресурсов разной природы, как показано в исследованиях В. А. Толочки [12, 21], Sh. E Taylor [22], можно представить как интерсубъектные, интрасубъектные, внесубъектные ресурсы. При

формировании стратегии научного поиска с перспективой обращения к комплексным исследованиям, позволяльны рабочие формы триад, например, таких как: карьера – ресурсы – человеческий капитал; подготовка специалиста – переподготовка – профессиональная реабилитация; подготовка персонала организации – оптация специалистов – ротация и т.п.

Обобщая, констатируем: системные триады позволяют проводить группировки явлений (или их аспектов) в целях воссоздания целостности изучаемого объекта соответственно задачам; при изменении задач структура триады может изменяться – одни ее части замещаться другими, что позволяет, с одной стороны, расширять пространство изучаемых явлений, с другой – вовлекать в анализ их новые аспекты. При решении научно-практических задач мы более свободны в формировании треугольников объектов, подлежащих нашему управлению. Итак, триады – техника стягивания разных феноменов, разных аспектов феномена как объединения частей в целое, отдельных явлений в их завершенную целостность. Это может быть один «самодостаточный» феномен или же группа феноменов, существование которых определяется как особой организацией их структур, так и их окружения, среды.

Повторим: прием системные триады часто используют разные ученыые, как правило, не акцентируя внимание на методологических аспектах этого методологического приема, не различая его онтологические и гносеологические функции. Но при целенаправленном использовании он становится уже не только эффективной «психотехникой» в научной работе, но и бесценным средством в преодолении психологических барьеров ученого, когнитивных диссонансов, состояния неопределенности и мн. др. В психотерапии, в частности в NLP, одним из приемов ведения клиента может быть предложение рассмотреть не два, а три и более возможных вариантов поведения в конфликтной ситуации.

Рассмотрим другой вид методологических связок, условно названный *вектором*. Под *вектором*, как и в математике, будем понимать объект, характеризующийся величиной (имеющий численное значение), направлением и подчиняющийся закону пространственного совмещения (геометрического сложения). Следовательно, оперирование этим понятием в обозримой перспективе позволит «расширить

горизонт» нашего видения изучаемых явлений, по-новому использовать нам привычный аппарат математической статистики, проводить необходимые дополнительные вычисления. Представители гуманитарных дисциплин часто используют вектор как обозначение направления – направления восхождения (от частного к общему, от общего к частному). Суть вектора – переход от техник фиксации бытия явления к описанию его вероятного проявления, от конкретного «среза» «здесь и теперь» к построению координат пространства-времени бытия феномена «там и тогда», проявляющегося в разных формах, от самых специфичных до более общих, еще не сливающихся с другими общими феноменами.

Выделяемые уровни научного познания также могут рассматриваться как векторы взаимосвязанных форм, способов, действий при обращении ученого к изучению сложных объектов, например, при анализе закономерностей поуровневого строения специфического предмета исследований. Как отмечает А. А. Карпов, «общая проблематика исследования, обретает системную форму и включает уровни, лежащие в основе структурной организации эволюции психики – гиперсистемный, метасистемный, системный, субсистемный, компонентный, элементный и субэлементный» [23, с. 10].

Примерами использования векторов являются результаты классификации научных понятий Л. В. Куликова [24], К. К. Платонова [25] и др. А. В. Петровский и М. Г. Ярошевский используют достаточно сложную комбинацию «меридианов (клластеров)» и «параллелей (плейд)» понятий и категорий. В логике вектора приведены следующие группы категорий: биоцентрические, протопсихологические, базисные психологические, метапсихологические и социоцентрические категории, которые, соответственно, могут быть представлены используемыми в психологии такими понятиями как: организм, индивид, «Я», личность и человек; нужда, потребность, мотив, ценность, идеал и т.д. [26]. Также все обобщающие схемы, все обобщения понятий и даже принципов дисциплины у К. К. Платонова представлены как векторы: «...Принцип иерархии распространяется и на взаимосвязь самих психологических принципов. Основные из них могут быть расположены на иерархической лестнице в таком порядке: принцип детерминизма, развития психики, общественно-исторической обусловленности

развития сознания, историзма, структурности, единства личности, сознания и деятельности, личностного подхода, иерархии» [25, с. 265].

Признавая позитивные функции рассматриваемой методологической техники, отметим и ее ограничения, проявляющиеся прежде всего при превышении масштаба описания познаваемых явлений (объектов), при попытках создания монументальных, их всеобъемлющих группировок, их свойств и отношений, их классификаций или теорий. Так, предпринятый А. Л. Журавлевым с соавторами библиометрический анализ ключевых слов, используемых психологами в XXI в., выявил слабые связи между ключевыми словами. На основании изучения ключевых слов статей психологов в ведущих отечественных журналах за несколько лет было выделено 451 «ключевое слово и словосочетание (с частичным слиянием синонимов)», среди которых встречались хотя бы дважды лишь 49 (или 11%) и трижды – 14 (или 3%). Один из выводов исследователей: «современные понятия нельзя полностью вписать ни в плеяды и кластеры понятийного матрицы А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского, ни в категориальную схему К. К. Платонова. ... данная ситуация обусловлена переходом к ... постнеклассическому типу развития науки, который характеризуется сетевой неструктурированностью, антиномичностью, эпистемологической сложностью и латентностью» [27, с. 114].

Если добавить, что основой для исследования выступал обзор научных работ, преимущественно представителей одной научной школы, опубликованных за ограниченный временной период, результаты анализа едва ли прибавят нам оптимизма относительно самой возможности полного и завершенного упорядочивания нашего тезауруса. Другими словами, даже стройные системы научных понятий, на построение которых авторитетные учёные положили десятилетия своего труда, уже через 20–40 лет оказываются неработающими, не выступают ни основаниями, ни референтами нового знания. В частности, можно констатировать, что 20–40 лет назад понятия субъекта и коллективного субъекта еще не занимали такого почетного места в классификации научных понятий, как это констатировалось в рассматриваемой выше работе.

Связи явлений могут описываться и как векторные (когда можно выделить несколько взаимосвязанных объектов, их свойств и от-

ношений), и как континуумные (когда можно проследить последовательные и необратимые преобразования содержания рассматриваемых явлений, процессов). Векторные связи можно условно обозначать как цепочки объектов ($A - B - C - \dots$), континуумные – также и знаком изменения логического их объема и содержания ($A < B < C < \dots$).

Методологические связки: общее и особенное

Подчеркнем важные отличия двух близких видов «связок» – вектора и континуума. Под континуумом подразумевается группа понятий, явлений, их свойств и отношений в тех случаях, когда можно выделить некоторую последовательность их преобразований (от более общего к частному, особенному, специфичному) вследствие воздействий условий внешней среды, изменения внутренней среды субъекта и процессов саморазвития явлений. Континуум – есть фиксация основных форм эволюции феномена, так или иначе ранее фиксируемых в дисциплине, но отраженных в разных понятиях при изучении разных явлений в русле разных научных традиций. Принципиальное отличие представления явлений как континуума от их представления как вектора в следующем: вектор может и должен выступать связующим фактором для группы анализируемых явлений, допускающих и даже требующих движения мысли ученого в «прямом» и в «обратном направлении» (результатом которого и выступают их группировки, концепты, концептуальные схемы, классификации и другие формы упорядочивания); континуум же есть презентация последовательных форм преобразования и/или эволюции явлений (объектов, их свойств, отношений), при которых их возвращение к исходным или ранним формам уже невозможно.

Естественными, первоначально векторными вариантами упорядочивания фрагментов действительности являются классификации живых организмов в биологии (растения – животные – человек), периодическая таблица элементов Д. И. Менделеева и мн. др. Естественными, а вернее, типовыми социальными группировками выступают многие составляющие жизни людей: ряды упорядочивания их возраста, социального статуса, профессиональной квалификации, формы обращения и пр. (например, слесарь 1, 2, 3, 4, 5, 6-го разряда; млад-

ший лейтенант, лейтенант, старший лейтенант и т. д.; ваше благородие, ваше высокоблагородие, ваше превосходительство и т. д.).

В качестве примера континуумных последовательных преобразований можно назвать следующие ряды:

- выделяемые В. С. Степиным типы научного мышления, или «типы рациональности»: классический < неклассический < постнеклассический тип рациональности [5];
- предлагаемые О. Контом стадии эволюции человеческих сообществ: теологическая (вымыселенная) < метафизическая (абстрактная) < позитивная стадия (научная) [28];
- описанные нами ранее исторически эволюционирующие основные формы трудовой активности человека: работа < ремесло < профессиональная деятельность; задатки < способности (общие) < способности (специальные) < способности (профессиональные) < профессионально важные качества [29 – 30];
- представленные Е. А. Сергиенко результаты обстоятельного изучения генеза эволюции психики человека, согласно которым, его можно представить как становление континуума «субъект – личность»: протосубъект (младенчество) – агент (дошкольный возраст 3–4 года) – наивный субъект (дошкольный возраст 5–6 лет) – растущий субъект (младший школьный возраст) – определяющийся субъект (подростковый возраст) – компетентный субъект (взрослый возраст) – интегративный субъект (пожилой возраст) [31];
- к континуумным преобразованиям можно относить фазы эмбриогенеза, описываемые как биогенетический закон Геккеля – Мюллера: каждое живое существо в своем индивидуальном развитии повторяет формы, пройденные его видом, или, афористично, – «онтогенез есть быстрое и краткое повторение филогенеза».

Дополнительным приемом могут служить и «сквозные понятия» – научные понятия, определяемые сходно в разных областях дисциплины. Ученые, размышляющие о понятийной системе дисциплины, как правило, нацелены на выделение базовых, структурирующих понятий и категорий, которые нередко представляются как самодостаточные или как системообразующие. Вероятно, наряду с выделением таких базовых понятий, разделяющих дисциплинарный тезаурус, необходим параллельный поиск и выделение «сквозных» понятий, содержание которых может сходно трактоваться предста-

вителями разных дисциплинарных областей, разных научных традиций, использование которых позволяет проводить согласование разных трактовок явлений, принятых в разных научных традициях и разных дисциплинах.

К таким «сквозным понятиям», согласно А. В. Сидоренкову, можно отнести, например, понятие *микрогруппы*. Понятие микрогруппы (т. е. диады и триады) можно использовать там, где до настоящего времени остаются затруднения в определении других понятий (например, малой группы и ее нижней границы – число членов, объединение которых создает социальную общность; затруднения в констатации характера и частоты связей, создающих и поддерживающих эту общность, и пр.) [32].

Принципиальное отличие феномена микрогруппы от социальной группы мы видим в следующем. Множество разновидностей микрогрупп представлены диадами, в которых существование одного человека (во всяком случае в его активной социальной роли как члена социальной общности) невозможно без его дополняющего другого (родитель – дитя, учитель – ученик, воспитатель – воспитанник, врач – пациент, тренер – спортсмена и т. д.). Тогда как в становлении той или иной социальной группы может быть представлен человеческий конгломерат – совершенно разный, нередко случайный состав ее потенциальных членов (например, ученики первого класса начальной школы, студенты первого курса вуза, отделение новобранцев в армии). В эволюции группы роли, функции ее членов могут изменяться, как и состав ее членов, группа – в ее социальных пред назначениях. Другими словами, понятие микрогруппа (диада, триада) может рассматриваться как переходная форма и естественная связка между индивидом и другими типами социальных объектов, малой группой в т.ч.

Как отмечалось нами ранее [12, 21], в процессе решения задач наших НИР появилась необходимость введения понятия «*сопряженная карьера*», которая рассматривалась как форма функциональной связи управленческой диады (вышестоящий руководитель – руководитель/подчиненный), когда их профессиональный и должностной рост взаимосвязан, обеспечивается и поддерживается дополняющими качествами партнеров. Сопряженная карьера как понятие (а, вероятно, и обозначаемый им особый феномен) может способствовать поиску решений для множества вопросов относительно

взаимосвязи видов активности субъекта и его окружения в становлении его как профессионала и его карьеры и т.п. Сопряженная карьера как понятие может выступать действенным звеном между тезаурусом психологии труда, психологии организационного развития и социальной психологией. Это понятие также может выступить методологическим мостом между постулатами парадигм индивидуальной и совместной деятельности.

К таким же связкам, согласно нашим представлениям, можно относить и понятие *ситуация* [33]. Обращение к названному понятию определяется необходимостью изучения реального движения (изменения, развития, эволюции) социальных объектов, которое только и позволяет переходить от наших НИР к решению актуальных социальных задач; необходимостью изменения акцентов в организации наших обычных НИР – признание нашего обследуемого действительным активным субъектом, признание за ним права взаимодействовать с нами или нет, а нам – строить всю нашу работу с учетом действительной свободы выбора наших партнеров и вероятной динамики изменений наших отношений.

Ситуация может рассматриваться как сквозное понятие, с одной стороны, с другой – выступать интегрирующим для группы других понятий. Ситуация есть пространство-время, в котором может конструктивно использоваться разный методологический инструментарий, в том числе и выделенные как «методологические связки» (векторы, континуумы, триады, «сквозные» понятия); в котором в разное время нам может быть доступна разная информация об объекте, явлении; в котором мы можем получать разное знание из разных источников. В логике В. С. Степина [5] *ситуация* есть реальный эмпирический объект, имеющий некоторые конкретные пространственно-временные параметры, позволяющие в последующем достраивать (реконструировать, прогнозировать, предвосхищать) его онтологию прошлого и будущего, его связи и отношения с другими феноменами, его возможные преобразования. Для понимания этих отношений будут востребованы и могут привлекаться понятия другого уровня (идеальный теоретический объект и идеальный эмпирический объект – ИТО и ИЭО, при обращении к которым нам, видимо, нужно будет использовать системы уравнений, упоминаемых выше). В описании *ситуации* есте-

ственno появляется потребность в привлечении разных техник как «методологических связок» (векторов, континуумом, триад, «сквозных» понятий).

Заключение

Принимая как важные и конструктивные посылки констатации методологов: «Методология должна быть методологией «снизу». ... Методологические положения должны идти от проведения психологических исследований, от опыта и обобщений самой науки» (в логике В. А. Мазилова [6, с. 10]); «Выход за пределы изучаемой системы при ее объяснении, не только неизбежен, но и необходим, являясь основой углубления объяснений» (в логике А. В. Юревича [7, с. 102]), – нами был предпринят опыт разработки методологических связок как компонентов «методологии снизу». При взгляде с позиции полевого исследователя обнаруживаются разрывы в разных уровнях методологии, которые принято различать и разделять, но взаимосвязи, между которыми до настоящего времени остаются открытыми вопросами.

Еще раз отметим, что большая часть явлений, фиксируемых научными понятиями, в психологии не выделяется как имеющая собственные временные и пространственные «координаты». Мы оперируем преимущественно вероятностями связи разрозненных явлений, выделяемых однобоко посредством специфических методик, разработанных в рамках тех или иных концепций, изучаемых нами на ограниченном эмпирическом материале. Едва ли при настоящем состоянии нашей дисциплины возможны установления абсолютных пространственно-временных «координат» между группами изучаемых явлений. Но их соотносительные связи устанавливать возможно и необходимо.

Признаем, что не было и не будет мыслителей, суждения которых не подвергались бы критическому переосмыслению. И. Кант, Г. Ф. Гегель не стали исключением. Универсальные законы О. Конта давно не считаются таковыми. Теорию Ч. Дарвина биологи критически обсуждают около полутора столетий. Биогенетический закон сыграл важную роль в истории развития дисциплины, но уже в середине минувшего столетия был опровергнут вследствие привлечения учеными более точных методов исследования. И все же...

Представления как системной триады предельно сложных явлений и отношений, конечно, есть известное огрубление, упрощение, но такое, которое в то же время представляет собой исторический срез форм мышления человека, структур его базовых понятий. Системные триады не всегда дают нам картину истины (как соответствия наших представлений и сущности явлений), но приближают нас к их пониманию. Такие триады, подводя итог сложным процессам размышления людей, в то же время создают основания для их критического анализа и дальнейшего развития мысли. Нередко такие триады понятий есть отражение важных этапов эволюции мышления и развития человека, а титаны мысли, представляющие такие концентрации мысли, надолго оставляют глубокий след в нашей культуре.

Все рассматриваемые нами методологические «связки» поддерживают варианты сильного упрощения видения ученым фрагментов действительности. Такая простота и наглядность часто позволяет предельно широкий круг сложных явлений сводить к обозримым их отношениям, выделять наиболее важное, элиминируя второстепенное в логике развиваемой концепции. Именно такая простота и наглядность позволяет выделять как наиболее существенное, так и все упущения ученого, как правило, устанавливаемые другими много позже, и таким образом поддерживать преемственность научных поисков представителями разных поколений, апологетов разных научных традиций.

Обобщая наш опыт анализа разрывов между уровнями методологии, между оперантами полевых исследователей и методологов, можно заметить, что часть рассматриваемых нами векторов, континуумов и триад сливаются друг с другом или естественно могут переходить друг в друга. Здесь нет методологической ошибки, а есть отражение наличия внутреннего органического единства, общности разных проявлений онтологии явления, по-разному представленных в разных дисциплинах, на разных этапах развития науки так или иначе фиксируемых, выделяемых среди других. Например, типы трансляции культуры по М. Мид не существуют как дискретные, независимые друг от друга («Художник, воспитай ученика, / Чтобы было у кого потом учиться», Е. М. Винокуров); типы человеческого знания по О. Конту также существуют в более или менее выраженных про-

порциях у представителей разных социальных групп. Наша задача – приближение методологических средств к более полному и адекватному описанию онтологии. Сближение и уточнение как того, что по-разному описывалось в разные эпохи, так и того, что и как рассматривается в разных дисциплинах и их областях, помогает нам упорядочивать состояние относительного понятийного «хаоса» в психологии, содействовать его переходу к состоянию «космоса» (в понимании эллинов).

Во всех рассматриваемых нами техниках или методологических связках привлекается и используется все ранее изученное в дисциплине, что позволяет искать и находить новые возможности сближения ее областей, интеграции отдельных явлений в большую или даже завершенную целостность. Во всех техниках реализуется принцип «от простого к сложному»: используются описания более простых, стабильных, формализованных, сравнительно легко фиксируемых форм бытия феномена и стадий его преобразований в более сложные формы, латентные структуры, неоднозначные, динамичные, краткие по времени и непостоянные их проявления.

Все четыре техники указывают на общую и/или единую онтологию изучаемых нами явлений, отражая их разные аспекты. Есть фрагменты взаимодействия человека с миром, есть жизнь человека как единое, целое. Есть соприкосновения, моменты взаимодействия человека с миром и есть жизнь человека как процесс его взаимодействия с окружением, со средой, как поддержание их единства и целостности.

И здесь отдельная и большая тема – отношения онтологии и гносеологии. И если рассматриваемые выше методологические связки не всегда есть завершенное воссоздание онтологии изучаемых явлений, то в аспекте гносеологии они, связки, всегда указывают на возможные отношения между фрагментами действительности, на их возможные свойства, следовательно, приближают к воссозданию и их онтологии. И, кроме того, что не менее важно, активная методологическая рефлексия едва ли может препятствовать нашему профессиональному росту. Онтология изучает сущности, их свойства и взаимосвязи; фундаментальными вопросами онтологии являются вопросы о природе реальности. Теория познания, или гносеология изучает взаимоотношение субъекта и объекта в процессе познавательной деятельности, от-

ношение знания к действительности, процессы познания с позиции деятельности человека (его целей, инструментария, ценностей и пр.). Наш опыт – изучение и описание именно этих процессов оптимизации нашей познавательной деятельности. В этом опыте можно выделять следующее.

– Исторический аспект использования системных триад не только и не столько отражает стремление к окончательному решению вопросов онтологии изучаемых явлений, сколько позволяет уточнять наши гносеологические позиции, возможности используемых нами средств познания.

– Системные триады, векторы, континуумы и пр., презентующие разные проявления сущего, нередко сходны, иногда они отражают разные проявления (проявления) фрагментов действительности. И в первом, и во втором случае для нас это должно выступать важными ориентирами в организации наших взаимодействий с действительностью.

– Системные триады, векторы, континуумы, «сквозные» понятия, используемые как операциональные единицы, как «связки» между разными уровнями нашего знания, могут быть более продуктивными в задачах понимания действительности, чем попытки построения картины «абсолютного знания», представленной монолитными классификациями научных понятий, создания внеисторических теорий, принципов дисциплины и т.п.

В условиях ускоряющегося исторического развития дисциплины, сопровождающегося ее дальнейшим дифференцированием на области, научные школы, изучаемые проблемы в логике узко дисциплинарных подходов, следовательно, продолжающимся распылением и разделением научного знания, в этих условиях все формы его интеграции становятся не менее важными, чем поиск и описание новых явлений. В ситуациях регулярного признания кризиса в психологии мы располагаем методологическими средствами, позволяющими оптимизировать состояние, если не всей дисциплины в целом, то хотя бы ее отдельных отраслей; рассматриваемые выше методологические связки можно использовать как операциональные средства в преодолении той или иной дисциплинарной неопределенности.

Историзм знания, представленный разными концептуальными схемами (законом «Мюллера-Геккеля», теорией естественного отбора Ч. Дарвина и др.), со временем становится лишь

вехой развития познания, но так, без которых наши отношения с миром оставались бы на уровне первых антропоидов. Вероятно, в науке более надежны не позитивные утверждения, а отрицательные констатации (например: атом не является пределом делимости материи; биологическая особь – пределом живого; ментальные особенности мужчин не те же, что у женщин; уровень развития некоторых когнитивных функций 10-летних школьников не такой, как у 12-летних; профессиональная картина мира новичка не идентична профессиональной картине мира профессионала и т. п.); констатации, побуждающие к изменению стратегии познания.

Методологические инструменты, связующие разные фрагменты живого научного знания, могут быть ценнее жестких концептуальных схем, классификаций научных понятий и т. п., представляющих наше прошлое знание. Они могут и должны выступать фундаментом будущего нового знания, но не его пределами, выступать маяками его границ, пределов, маяками, указывающими на отмели и фарватеры океана науки, расширяя наши горизонты видения действительности и самих себя в процессах ее познания.

Практическая значимость: методологические инструменты, связующие разные фрагменты научного знания, позволяют интегрировать описания отдельных явлений в большую целостность, что способствует конструктивной реализации научно-исследовательских работ и научно-практических разработок в современных организациях.

Библиографический список

1. Ильин Е. П. Психология и физиология: союз или конфронтация? Исторические очерки. СПб.: Реноме, 2020. 578 с.
2. Анохин П. К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1978. 400 с.
3. Росс Л., Нисбетт Р. Е. Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии / пер. с англ. В. В. Румынского; под ред. Е. Н. Емельянова, В. С. Магуна. М.: Аспект Пресс, 1999. 429 с.
4. Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности. СПб.: Азбука, 2010. 288 с. EDN: QXABRH
5. Степин В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 743 с.
6. Мазилов В. А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2017. 419 с. EDN: YLKJYH
7. Юревич А. В. Методология и социология психологии. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. 272 с. EDN: RAXSZL
8. Козлов В. В. Интегративная психология. М. : ООО «Международная Академия психологических наук», 2023. 748 с. EDN: DDHTUL
9. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб. : Питер, 2000. 720 с. EDN: MBNCMQ
10. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. СПб. : Питер, 2001. 272 с.
11. Корнилова Т. Н., Смирнов С. Д., Питер С. П. Методологические основы психологии. СПб. : Питер, 2006. 320 с. EDN: YZLSYZ
12. Толочек В. А. Технологии профессионального отбора. М. : Юрайт, 2024. 269 с. EDN: FFKHCW
13. Толочек В. А. Методы и методология полевых исследований: открытые вопросы. Часть 2 // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 3 (120). С. 72–86. <https://doi.org/10.20323/1813-145X-2021-3-120-72-86>, EDN: RRIVFD
14. Знаков В. В. Психология возможного. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2022. 365 с. https://doi.org/10.38098/prgrs_22_0447, EDN: YSYJVT
15. Баранцев Р. Г. Синергетика в современном естествознании. М. : URSS, 2009. 144 с. EDN: QJJURX
16. Кант И. Критика чистого разума. Критика практического разума. Критика способности суждения / пер. с нем. Н. Лосского, Н. Соколова. СПб. : Азбука, 2024. 1056 с.
17. Гегель Г. В. Ф. Наука логики : в 3 т. Т. 1. / отв. ред. М. М. Розенталь. М. : Мысль, 1970. 501 с.
18. Дарвин Ч. Происхождение видов / пер. К. А. Тимирязева; общ. ред. Ф. А. Дворянкина. М. : Сельхозгиз, 1952. 484 с.
19. Поппер К. Р. Объективное знание. Эволюционный подход. М. : Эдиториал УРСС, 2002. 384 с.
20. Мид М. Культура и мир детства: Избранные произведения / пер. с англ. Ю. А. Асеева. М. : Наука, 1988. 429 с.
21. Толочек В. А. Психология труда. СПб. : Питер, 2018. 480 с. EDN: TAQBOI
22. Taylor Sh. E. Health Psychology. New York : McGraw-Hill Higher Education, 2017. 464 р.
23. Карпов А. А. К началам психики. М. : Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2023. 423 с. EDN: HBFWEN
24. Куликов Л. В. Общенаучные категории в отечественной психологии. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, 2013. 176 с. EDN: RXNBLJ
25. Платонов К. К. Система психологии и теория отражения. М. : Наука, 1982. 309 с. EDN: WIKYUP
26. Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Теоретическая психология. М. : Академия, 2003. 496 с. EDN: SNCLLJ

27. Журавлев А. Л., Сергиенко Е. А., Федоров А. А. Библиометрический анализ трехтомного труда «Разработка понятий современной психологии» (2018–2021 гг.) // Психологический журнал. 2023. Т. 44, № 1. С. 113–126. <https://doi.org/10.31857/S020595920024366-8>, EDN: KUAYRC
28. Конт О. Дух позитивной философии / пер. с фр. И. А. Шапиро. Ростов н/Д : Феникс, 2003. 256 с.
29. Толочек В. А. Декларированные и латентные социальные группы: феномен, эволюция, детерминанты. Часть 1 // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2022. Т. 11, вып. 3 (43). С. 220–231. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2022-11-3-220-231>, EDN: QFODOQ
30. Толочек В. А. Профессиональная карьера: феномен, эволюция, ресурсы субъекта. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2025. 432 с.
31. Сергиенко Е. А. Психическое развитие с позиции системно-субъективного подхода. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. 279 с. https://doi.org/10.38098/mng_21_0435, EDN: OGNLRM
32. Сидоренков А. В. Психология малой группы: методология и теория. М. : Юрайт, 2019. 185 с. EDN: PORTVF
33. Толочек В. А. Полевые исследования: проблема, задачи, возможности. Часть 1 // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2024. Т. 13, вып. 1 (49). С. 26–39. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2024-13-1-26-39>, EDN: WKMSPQ
6. Mazilov V. A. *Metodologiya psikhologicheskoy nauki: istoriya i sovremennoe* [Methodology of Psychological Science: History and Actualness]. Yaroslavl, Yaroslavl State Pedagogical University Publ., 2017. 419 p. (in Russian). EDN: YLKJYH
7. Yurevich A. V. *Metodologiya i sotsiologiya psikhologii* [Methodology and Sociology of Psychology]. Moscow, Publishing House “Institute of Psychology RAS”, 2010, 272 p. (in Russian). EDN: RAXSZL
8. Kozlov V. V. *Integrativnaya psikhologiya* [Integrative Psychology]. Yaroslavl, OOO “Mezhdunarodnaya akademiya psikhologicheskikh nauk”, 2023. 748 p. (in Russian). EDN: DDHTUL
9. Rubinshteyn S. L. *Osnovy obshchey psikhologii* [Foundations of General Psychology]. St. Petersburg, Piter, 2000. 720 p. (in Russian). EDN: MBNCMQ
10. Anan’ev B. G. *O problemakh sovremennoego chelovekoznaniya* [About Issues of Modern Human Knowledge]. St. Petersburg, Piter, 2001. 272 p. (in Russian).
11. Kornilova T. N., Smirnov S. D., Piter S. P. *Metodologicheskiye osnovy psikhologii* [Methodological Foundations of Psychology]. St. Petersburg, Piter, 2006. 320 p. (in Russian). EDN: YZLSYZ
12. Tolochek V. A. *Tekhnologii professional'nogo otbora* [Technologies of Professional Selection]. Moscow, Yurayt, 2024. 262 p. (in Russian). EDN: FFKHCW
13. Tolochek V. A. Field Research Methods and Methodology: Open Questions. Part 2. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2021, no. 3 (120), pp. 72–86 (in Russian). <https://doi.org/10.20323/1813-145X-2021-3-120-72-86>, EDN: RRIVFD
14. Znakov V. V. *Psikhologiya vozmozhnogo* [Psychology of the Possible]. Moscow, Publishing House “Institute of Psychology RAS”, 2022. 365 p. (in Russian). https://doi.org/10.38098/prgrs_22_0447, EDN: YSYJVT
15. Barantsev R. G. *Sinergetika v sovremennom yestestvoznanii* [Synergetics in Modern Natural Science]. Moscow, URSS, 2009. 144 p. (in Russian). EDN: QJJURX
16. Kant I. *Kritika chistogo razuma. Kritika prakticheskogo razuma. Kritika sposobnosti suzhdeniya*. Per. N. Losskogo, N. Sokolova [Critique of Pure Reason. Critique of Practical Reason. Critique of the Power of Judgment. Trans. from German by N. Lossky, N. Sokolov]. St. Petersburg, Azbuka, 2021. 1056 p. (in Russian).
17. Gegel’ G. V. F. *Nauka logiki: v 3 t. T. 1. Otv. red. M. M. Rozental’* [Rosenthal M. M., ed. Science of Logic: in 3 vols. Vol. 1]. Moscow, Mysl’, 1970. 501 p. (in Russian).
18. Darwin C. *Proiskhozhdenie vidov*. Per. K. A. Timiryazeva, obshch. red. F. A. Dvoryankina [On the Origin of Species. Trans. K. A. Timiryazeva; F. Dvoryankina, total. ed.]. Moscow, Selkhozgiz, 1952. 484 p. (in Russian).
19. Popper K. R. *Ob”yektivnoye znaniye. Evolyutsionnyy podkhod* [Objective knowledge. An Evolutionary Approach.]. Moscow, Editorial URSS, 2002. 384 p. (in Russian).

References

1. Il’in E. P. *Psikhologiya i fiziologiya: soyuz ili konfrontatsiya? Istoricheskie ocherki* [Psychology and Physiology: Alliance or Confrontation? Historical Essays]. St. Petersburg, Renome, 2020. 578 p. (in Russian).
2. Anokhin P. K. *Izbrannye trudy. Filosofskie aspekty teorii funktsional’noy sistemy* [Selected Works. Philosophical Aspects of the Theory of a Functional System]. Moscow, Nauka, 1978. 400 p. (in Russian).
3. Ross L., Nisbett R. *Chelovek i situatsiya. Perspektivy sotsial’noy psikhologii*. Per. s angl. V. V. Rumynskogo, pod red. Ye. N. Yemel’yanova, B. C. Maguna [The Person and the Situation: Perspectives of Social Psychology. Trans. from English by V. V. Rumynsky; E. N. Emelyanov, V. S. Maguned, eds.]. Moscow, Aspekt Press, 1999. 429 p. (in Russian).
4. Mamardashvili M. K. *Klassicheskiy i neklassicheskiy idealy ratsional’nosti* [Classical and Non-Classical Ideals of Rationality]. St. Petersburg, Azbuka, 2010. 288 p. (in Russian). EDN: QXABRH
5. Stepin V. S. *Teoreticheskoye znaniye: struktura, istoricheskaya evolyutsiya* [Theoretical Knowledge: Structure, Historical Evolution]. Moscow, Progress-Tradition, 2003. 743 p. (in Russian).

20. Mead M. *Kul'tura i mir detstva: Izbrannyye proizvedeniya. Per. s angl. Yu. A. Aseyeva* [Culture and The World of Childhood: Selected Works. Trans. from English by Yu. A. Aseyev]. Moscow, Nauka, 1988. 429 p. (in Russian).
21. Tolochev V. A. *Psikhologiya truda* [Labor Psychology]. St. Petersburg, Piter, 2021. 496 p. (in Russian). EDN: TAQBOI
22. Taylor Sh. E. *Health Psychology*. New York, McGraw-Hill Higher Education, 2017. 464 p.
23. Karpov A. A. *K nachalam psikhiki* [To the Beginnings of The Psyche]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2023. 423 p. (in Russian) EDN: HBFWEN
24. Kulikov L. V. *Obshchenauchnyye kategorii v otechestvennoy psikhologii* [General Scientific Categories in Domestic Psychology]. St. Petersburg, Saint Petersburg University Publ., 2013. 176 p. (in Russian). EDN: RXNBLJ
25. Platonov K. K. *Sistema psikhologii i teoriya otrazheniya* [The System of Psychology and the Theory of Reflection]. Moscow, Nauka, 1982. 312 p. (in Russian). EDN: WIKYUP
26. Petrovsky A. V., Yaroshevsky M. G. *Teoreticheskaya psikhologiya* [Theoretical psychology]. Moscow, Akademiya, 2003. 496 p. (in Russian). EDN: SNCLLJ
27. Zhuravlev A. L., Sergienko E. A., Fedorov A. A. Bibliometric analysis of the three-volume labor “Development of the Concepts of Modern Psychology” (2018–2021). *Psychological Journal*, 2023, vol. 44, iss. 1, pp. 113–126 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S020595920024366-8>, EDN: KUAYRC
28. Kont O. *Dukh pozitivnoy filosofii. Per. s fr. I. A. Shapiro* [The Spirit of Positive Philosophy. Trans. from French by I. A. Shapiro]. Rostov on Don, Feniks, 2003. 256 p. (in Russian).
29. Tolochev V. A. Manifest and Latent Social Groups: Phenomenon, Evolution, Determinants. Part 1. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*. 2022, vol. 11, iss. 3 (43), pp. 220–231 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2022-11-3-220-231>, EDN: QFODOQ
30. Tolochev V. A. *Professional'naya kar'yeru: fenomen, evolyutsiya, resursy sub'yekta* [Professional Career: Phenomenon, Evolution, Subject's Resources]. Moscow, Publishing House “Institute of Psychology RAS”, 2025. 432 p. (in Russian).
31. Sergienko E. A. *Psikhicheskoye razvitiye s pozitsii sistemno-sub'yektivnogo podkhoda* [Mental Development from the Standpoint of a Systemic-Subjective Approach]. Moscow, Publishing House “Institute of Psychology RAS”, 2021. 279 p. (in Russian). https://doi.org/10.38098/mng_21_0435, EDN: OGNLRM
32. Sidorenkov A. V. *Psikhologiya maloy gruppy: metodologiya i teoriya* [Psychology of a Small Group: Methodology and Theory]. Moscow, Yurayt, 2019. 185 p. (in Russian). EDN: PORTVF
33. Tolochev V. A. Field Research: Problem, Tasks, Opportunities. Part 1. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2024, vol. 13, iss. 1 (49), pp. 26–39 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2024-13-1-26-39>, EDN: WKMSPQ

Поступила в редакцию 28.03.2025; одобрена после рецензирования 23.05.2025; принятая к публикации 17.09.2025
 The article was submitted 28.03.2025; approved after reviewing 23.05.2025; accepted for publication 17.09.2025